

II

Постсоветский чекизм

Введение

Самым ярким символом последних дней Советского Союза стало «повешение» памятника Дзержинскому во время августовского путча 1991 года. Один российский журналист сравнил его с разрушением нью-йоркского Всемирного торгового центра. Этот момент стал переломным, после него мир изменился: *«Кадры железного Феликса со стальной петлей на шее будут теперь крутить на российских телеканалах вечно — это наш новый символ, как для Америки — врезающийся в небоскреб самолет»* [1].

Низвержение статуи Дзержинского ознаменовало собой крах символической вселенной, описанной в части I этой книги; чекистов изгнали с российского символического ландшафта. Однако всего через десять лет, в марте 2000 года, президентом Российской Федерации был избран человек, определенно гордившийся своим «чекистским» прошлым [2], и чекистские ценности были с триумфом возвращены. Эту часть книги мы посвятим возрождению чекистского культа государственной безопасности в России.

С середины 1990-х годов в российской общественной жизни началось восхваление органов госбезопасности. Как отметил

один журналист, Россия переживает свой второй роман с собственной госбезопасностью [3]. В сфере культуры и общественных отношений этот роман поддерживается масштабной кампанией, которая сопоставима с литературным ренессансом КГБ, инициированным Андроповым в конце 1960-х и 1970-х годах. Вот уже более десяти лет вокруг фигуры чекиста создается новая мифология. Активно разрабатываются новые версии истории органов государственной безопасности России, формируются мифологические образы современных чекистов и их миссии.

Очевидно, назрела необходимость всестороннего анализа возрождающегося культа органов госбезопасности в контексте современной России.

Западные комментаторы нередко относятся к России двойственно. Однако поиски объективности означают, что мы должны критически относиться к чекистской идеологии. Мы не можем позволить себе игнорировать элементы, определяющие облик российских органов госбезопасности и их корпоративную этику. Российские органы госбезопасности несопоставимы с их западными аналогами, и их нельзя рассматривать в отрыве от культа, который их окружает.

5. Воссоздание чекистских традиций

Самый серьезный вызов чекистскому культу был сделан в августе 1991 года. КГБ скомпрометировал себя публично — председатель комитета Владимир Крючков был арестован. На его место пришел Вадим Бакатин, под руководством которого начали проводить полномасштабные реформы. В своих воспоминаниях Бакатин объясняет, что сосредоточился пре-

имущественно на идеологии чекизма, «паразитирующей на “криминально-патриотической” романтике» [1]. Бакатина резко критиковали за то, что он отважился прикоснуться к святым и запятнать образ чекиста [2]. Крючков так описывает свое негодование: *«Сотрудники органов госбезопасности всегда называли себя чекистами, связывая это с именем Дзержинского, в личном плане кристально честного, бескорыстного, идейно убежденного человека. По мнению же Бакатины, “традиции чекистов надо искоренять, чекизм как идеология должен исчезнуть”. <...> А что, разве все традиции чекистов были плохими? Разве заветы, оставленные нам Дзержинским, были негодными?»* [3]

В конечном итоге начинания Бакатина не увенчались успехом. С середины 1990-х годов различные элементы советского чекизма начали возвращаться и адаптироваться к новым условиям. Так и не исчезнувшие из российской общественной жизни чекисты и их «славные традиции» удивительным образом возродились под ярлыками восстановления национальной гордости и воссоздания исторической памяти.

Был создан целый ряд новых разнообразных чекистских традиций, и эти традиции позволяют нам взглянуть на меняющийся идеологический климат России и неясности ее демократического развития с новой точки зрения. Новый культ госбезопасности высвечивает новые ценности, поддерживаемые государством, и характеризует новую государственную идеологию страны.

Родословная для ФСБ

Процесс изобретения новых чекистских традиций начался в 1995-м, в год создания ФСБ [4]. Предшествующие годы для российских органов госбезопасности стали эпохой хаоса

и унижений. Они прошли под знаком бесконечных переименований и реорганизаций [5], массовых отставок, кульминацию которых предрешил неудавшийся путч в августе 1991 года [6]. Репутация органов в обществе оставалась неизменно низкой. Но с созданием ФСБ в 1995 году началась стабилизация. С этого момента (то есть еще при Ельцине, а не после прихода Путина к власти, как часто говорится) наблюдается устойчивое восстановление и укрепление положения органов безопасности в российском обществе.

Создав в 1995 году ФСБ, Ельцин также определил его новый символ: щит и меч, традиционный символ советской службы госбезопасности, теперь сочетался с царским двуглавым орлом. Глава ФСБ по связям с общественностью Александр Зданович [7] высказался по этому поводу так: *«Ныне на символическом уровне в ведомственном знаке осуществлен синтез дооктябрьской России и символ спецслужбы советской эпохи»* [8], синтез, который он называет «принципиальным моментом» в плане осмысления ФСБ своего прошлого [9]. В 1999 году глава ФСБ Николай Патрушев отметил, что решение создать «единое целое» из двух этих символов отражало тот факт, что *«корни отечественных спецслужб уходят в глубь веков, во времена зарождения и становления централизованного российского государства»* [10].

Эта существенно расширенная временная шкала чекистской истории, ее истоки, отодвинутые «в глубь веков», — одна из характерных черт нового постсоветского подхода, который отличает ФСБ от ее предшественников. Тогда как историки советской эпохи зарей истории ВЧК считали 1917 год, резко отделяя ее от дооктябрьских служб безопасности, в постсоветскую эпоху начало истории госбезопасности стали переносить как можно глубже в прошлое [11]. В последние годы появился целый ряд заметных публикаций, в которых рассматриваются истоки этой новой генеалогии российской службы безопасности и разведки. В официальной истории, изданной в 1995 году

главой разведслужбы Евгением Примаковым, например, история российской разведки прослеживалась с эпохи скифов («наших далеких предков») [12]. В 1997 году Ельцин отправным пунктом истории органов безопасности назвал эпоху царя Алексея [13]. В 2007 году Патрушев, говоря об истории ФСБ, сослался на Софью Палеолог, жену Ивана III и племянницу последнего императора Византии [14]. В новой истории органов, опубликованной на официальном сайте Ярославского УФСБ, говорится, что датировать начало истории российских органов безопасности невозможно, поскольку *«их исторические корни уходят во времена формирования русского государства»* [15].

Заметно также стремление произвести «ребрендинг» самого района Лубянки. В январе 1999 года Зданович признал символическое значение здания Лубянки, назвав его *«зрительным образом отечественных спецслужб»* [16]. После августа 1991 года это место, как и в хрущевскую эпоху, стало символически очищаться — негативные ассоциации стирались, новые устанавливались. Теперь Лубянка перестала быть синонимом советского государственного террора и превратилась в первоизданную колыбель российской государственности. В глянцевого подарочном издании «Лубянка-2», выпущенном ФСБ в Москве в августе 1999 года [17], подчеркивается «древность» места, на котором располагается Лубянская площадь [18]. В книге район Лубянки связывается с рядом важнейших переломных моментов российской истории. Утверждается, например, что именно в этом районе проходили многие известные противостояния с иностранными захватчиками, включая такие значимые и эмоционально заряженные события российской истории, как изгнание поляков Мининым и Пожарским и победа над Наполеоном в 1812 году [19]. Цель этих параллелей — сакрализация местоположения ФСБ, наделение его аурой вечности, неизбежности.

Лубянка предстает местом, откуда чекисты простирали свой щит над страной в тяжелые времена, словно богатыри

из средневекового русского эпоса, былинные защитники родины [20]. Неспроста самый известный богатырь Илья Муромец теперь считается святым покровителем пограничной службы ФСБ.

Однако наряду с этой генеалогией, уходящей вглубь веков, продолжают жить старые советские чекистские мифы, сколь бы противоречивым это ни казалось [21]. Примером тому служит самая яркая из новых традиций ФСБ — ежегодные празднования Дня чекиста. Ельцин в декабре 1995 года издал указ об учреждении ежегодного Дня работников органов государственной безопасности [22]. Что любопытно, датой он выбрал 20 декабря, день образования ЧК, игравший центральную роль в чекистской мифологии, как мы убедились в части I. Как говорилось в одной официальной публикации, выбор этой даты «был неслучайным» [23]. Для этой и других новых традиций ФСБ характерна некая натяжка между советским мифом о происхождении ЧК и новым мифом о «первозданности» и «древности» госбезопасности, но различные стратегии подачи контекста и риторические приемы позволяют ФСБ и ее сторонникам разрешать или сглаживать эти противоречия и тем самым поддерживать новый исторический «синтез».

Учреждение Ельциным Дня чекиста стало шагом не назад, а вперед: впервые в истории российские органы госбезопасности обзавелись собственным официальным праздником. Строго говоря, в СССР чекисты, в отличие от представителей других профессий, не имели профессионального праздника. Как отметил в одном интервью директор ФСБ Патрушев, десятилетиями День чекиста отмечался «неофициально» [24]. С 1922 года ежегодно (с перерывом в несколько лет после смерти Сталина и после 1991-го) [25] 20 декабря, в день основания ЧК, проводились различные церемонии. Однако даже на вершине развития советского культа чекиста День чекиста не включался в обширный календарь советских про-

фессиональных праздников, введенных в позднесоветскую эпоху [26]. Вероятно, эта сдержанность отражала глубинную тревогу, которая обострилась после развала СССР, когда в 1992 году были прямо запрещены открытые празднования 20 декабря и шли разговоры о том, чтобы сделать этот день профессиональным праздником работников Министерства образования [27].

Учреждение Ельциным в 1995 году Дня чекиста с воодушевлением встретили руководители органов безопасности. Патрушев приветствовал это решение как знак признания «социальной значимости» органов безопасности [28]. Зданович посчитал его актом глубоко символическим, новым поворотным пунктом исторического развития, когда прежде существовавшая неписаная традиция получила вторую жизнь [29].

Чекист-ветеран и депутат Московской городской думы Сергей Гончаров в интервью на День чекиста в 2002 году подробно объяснил, почему была выбрана именно эта дата [30]. Журналист указал на очевидный парадокс, что в «демократической России десятки тысяч людей по всей стране» отмечают советский праздник, и до сих пор используется слово «чекист», хоть оно и кажется анахронизмом. Гончаров разрешил это противоречие, заявив, что «чекист» — категория вечная. Его определение этого понятия вобрало в себя несколько элементов, характерных для недавно созданного мифа о чекисте и его месте в истории. Гончаров заявил, что категория «чекист» выходит за пределы времени и преходящих тривиальных политических интересов: *«Понятие “чекист” давно уже вышло за те исторические рамки, в которых оно появилось. Правительства приходят и уходят, а уникальная цивилизация под названием Россия остается. На защиту ее коренных интересов запрограммированы люди, называющие себя чекистами»* [31].

Гончаров также объяснил, что выбор даты 20 декабря отражает тот факт, что носители советских традиций и традиций

КГБ еще живы, как и сами эти традиции, *«несмотря»*, отметил он мрачно, *«на все попытки в 90-х годах уничтожить саму систему государственной безопасности страны»*. Он также отметил, что эти традиции должны сохраняться и после того, как уйдет последнее советское поколение, поскольку *«традиции предполагают в первую очередь воспроизводство некоторой системы, основанной на корпоративных и этических ценностях»* [32]. И снова в первую очередь подчеркивался этический, моральный аспект чекизма.

Учреждением Дня чекиста в 1995 году все не ограничилось. Тогда же проявились и другие симптомы авторитарного сдвига. Федеральные войска вторглись в Чечню в декабре 1994 года, а в марте 1995-го парламент освободил Сергея Ковалева от обязанностей Уполномоченного по правам человека. Принятые в том году законы, контролирующие деятельность ФСБ, пришли на смену относительно либеральным законам 1992 года, существенно усилили власть органов безопасности и сократили их ответственность [33]. Данная тенденция нашла отражение в целой серии новоиспеченных традиций и символических актов. Начал формироваться новый российский официальный календарь: в него были добавлены дни воинской славы, стали восстанавливаться дореволюционные традиции, связанные с православными святыми-воинами. Медали и ордена, врученные Ельциным в 1995 году, свидетельствуют о том же. В 1995-м Ельцин наградил психиатра, который в советское время был напрямую причастен к использованию психиатрии против диссидентов, а шпиону Моррису Коэну посмертно присвоил звание Героя России. Позже, в 1996 году, он «реабилитировал» советское знамя Победы, которое теперь по военным праздникам стало развеваться вместе с российским Государственным флагом [34]. Наконец, именно в 1995-е годы ФСБ была запущена первая серия громких шпионских дел. Как предположил один гражданский активист, через полвека 1995-й будет вспоминаться как год *«затыкания ртов»* в России [35].

Ельцинский авторитарный сдвиг того периода можно отчасти связать с утратой им популярности и власти, что заставило его к концу первого президентского срока все сильнее полагаться на органы госбезопасности [36]. Еще ярче эта тенденция проявилась в период второго президентского срока Ельцина. В 1996 году Ельцин назначил бывшего главу внешней разведки Евгения Примакова министром иностранных дел, завершив «козыревскую эпоху» в российской внешней политике [37]. Финансовый кризис августа 1998 года стал еще одной важной вехой, после чего на пост премьер-министра стали приходить бывшие *силовики*: Евгений Примаков, Сергей Степашин и, наконец, Владимир Путин.

Декабрь 1997-го: конец демонизации

Перечисленные выше события происходили параллельно с постепенным изменением официальных взглядов на советское прошлое вообще и чекистское в частности. Этот процесс достиг пика в декабре 1997 года, накануне празднования восьмидесятого юбилея советских органов государственной безопасности, когда Ельцин выступил с радиообращением, которое свидетельствовало о существенном сдвиге в официальном отношении к советской истории [38]. Чекисты считают эту речь переломным моментом в процессе восстановления престижа органов госбезопасности, символом конца демонизации их истории. Эта мысль заключалась в ключевой фразе ельцинской речи, которую часто цитируют чекистские комментаторы [39]: *«Но каким было государство — такими были и его службы безопасности. Оглядываясь назад, я вижу — в разоблачении преступлений органов безопасности мы чуть было не перегнули палку. Ведь в их истории были не только черные периоды, но и славные страницы, которыми действительно можно гордиться»* [40].